
Эффект присутствия
Надежда Матвеева

Надежда Матвеева

Эффект присутствия

«Автор»
2026

Матвеева Н.

Эффект присутствия / Н. Матвеева — «Автор», 2026

Кате двадцать. Её воспитали мама, бабушка и романы о встречах под луной, поцелуях у подъездов и красивых ухаживаниях. Отношений у неё не было никогда — ни романтических, ни даже неловких. Кажется, она их боится. Но очень хочет.Однажды в портовом кафе «Причал» Катя встречает Диму — он старше, моряк, точь-в-точь романтическая мечта, спрятанная между книжных страниц. В их распоряжении всего несколько часов: вечером судно Димы уходит в рейс до самой зимы. И тогда Катя предлагает единственное, что приходит в голову: «Давай писать друг другу бумажные письма?»Теперь Катя живёт от письма к письму, очарованная образом прекрасного моряка. Но пока его письма идут через море, в её жизни появляется старый знакомый — Илья, студент журфака, с которым в прошлом году у неё что-то едва не случилось. Но с чего вдруг он обратил на неё внимание? При чём тут её подруга Лена? И почему рядом с Ильёй Катя чувствует вину перед Димой — человеком, которого ни разу не держала за руку?

© Матвеева Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Эффект присутствия 5
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 18
Глава 4 22
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Надежда Матвеева
Эффект присутствия

Эффект присутствия

Надежда Матвеева

«— Лучше приходи всегда в один и тот же час, — попросил Лис. — Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трёх часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью!»

Антуан де Сент-Экзюпери, «Маленький принц».

Глава 1

Я никогда не любила ранние подъёмы. Но в то утро что-то заставило меня открыть глаза раньше будильника. Будто кто-то шепнул: «Вставай, сегодня случится что-то важное».

Обычно я жуткая соня, а тут ещё и воскресенье — единственный день недели без пар. В комнате стоял особенный утренний полумрак — шторы пропускали лишь узкую полосу бледного света, и в этом свете медленно плавали пылинки. Одеяло было тёплым, а воздух у окна — прохладным. Он пробуждал меня бодрящей свежестью.

Я полежала ещё несколько секунд, прислушиваясь к себе. В квартире было тихо. За окном едва слышно шуршала листва. А внутри у меня жило странное, лёгкое волнение — как в детстве, перед днём рождения.

Конечно, мне нравилось учиться, и с университетом повезло — сильные преподаватели, активные студенты, современные корпуса, внушительная библиотека. Но, как любого человека, временами меня раздражала необходимость каждый день тащиться на учёбу. Особенно тяготили так называемые ненужные пары. Так студенты называют дисциплины, далёкие от специальности, но которые всё равно приходится посещать. Преподаватели там обычно «звери». Вот и я, будущий филолог, каждый четверг спешила к первой паре на экономику…

Потянувшись в кровати, я вдруг осознала, что действительно выспалась. В теле не было привычной тяжести и усталости, которые сопровождали меня почти всегда. Кажется, я даже была готова к великим свершениям. Ну, например, прибраться на книжных полках или прогуляться в парке. Настроение тоже радовало, хотя по утрам для меня это было редкостью. Сегодня ворчать совсем не хотелось. Погода для сентября выдалась замечательная — прохладный ветерок слегка покачивал «древние» тополя у дома, солнце светило ярко и ласково приветствовало горожан, а в приоткрытое окно вливался осенний воздух с нотками прелой листвы и влажного асфальта — ночью, видно, прошёл дождь.

Предвкушая продуктивный день, я накинула халат поверх любимой пижамы и подхватила волосы заколкой. «Ну, красавица», — подумала я. Распахнула шторы — и комната тут же наполнилась светом. Он лёг на пол тёплыми квадратами, высветил стопки книг на столе и любимый фикус на подоконнике. Я беглым взглядом изучила прохожих — это уже стало привычкой. Мне всегда было интересно наблюдать за людьми. В такие моменты время словно замедлялось, и я по-настоящему замечала жизнь: вот женщина с коляской старательно обходит лужу, вот парень с рюкзаком бежит куда-то, а вот дворник шуршит метлой по мокрому асфальту. А на скамейке у детской площадки, как всегда, сидели двое пожилых мужчин. Имён их я не знала, но по утрам они часто были там — летом в клетчатых рубашках, зимой в тёплых дутых куртках. Один — худощавый, с тростью, второй — плотный, с густой седой бородой. Они о чём-то неспешно беседовали, и я улыбнулась. Настолько к ним привыкла, что не представляла наш двор без этой парочки.

Когда утренние ритуалы были завершены, я уверенно вышла из комнаты. У двери лениво растянулась Молли. Услышав меня, она лишь отстранённо повернула голову — в её взгляде читалось деловитое «Ой, ну что опять?!» Но хвост, длинный и пушистый, уже один раз гулко ударил по полу. Предатель.

— Привет, Булка! — я почесала её за ухом, и Молли дружелюбно лизнула мою руку.

Молли — моя собака, корги-кардиган. Блестящая чёрная шубка с белой рубашкой на груди и белыми носочками, тёплые подпалины над глазами и на щеках, короткие лапки и огромные уши-локаторы. Я всю жизнь любила животных и в детстве отчаянно выпрашивала у мамы собаку на каждый праздник. Но она, оправдываясь моим юным возрастом, убеждала, что домашнее животное — огромная ответственность. Сложно сосчитать, сколько раз я слышала фразу «А кто убирать за ней будет?» Однако, когда мне исполнилось восемнадцать, мама

сдалась. Едва я отпраздновала выпускной из одиннадцатого класса, у нас появилась Молли. Совсем малышка, неуклюжая и умилительная, с ушами, которые казались больше её самой. Сейчас она подросла, округлилась, обзавелась густой шерстью и звонким голосом. Когда мы выходим на прогулку, вся соседская детвора слетается к ней, норовя погладить. И хотя нам с мамой это не всегда удобно, Молли никогда не жалуется. Она с радостью принимает все знаки внимания, одаривая прохожих своей фирменной корги-улыбкой. Удивительно, что животные за два года успевают так вырасти и измениться, а мы, люди, — не всегда. Я уже студентка второго курса, но порой всё ещё кажется, будто вчера я вернулась с последнего звонка, а выпускной где-то впереди.

— Катя?! Ты уже встала? — из кухни донёсся голос мамы.

— Да, мам, сейчас приду, — ответила я, всё ещё сидя на корточках рядом с нашей четвероногой любимицей и зарываясь пальцами в её густую шёрстку.

По квартире распространялся запах блинов и свежезаваренного чёрного чая. Слышались шкворчание сковороды и тихое пыхтение чайника. Кухня встретила меня солнцем — оно пробивалось сквозь занавеску в мелкий горошек и ложилось ярким пятном на скатерть. Мама сегодня явно, как и я, проснулась в прекрасном расположении духа. Она стояла у плиты в своём фартуке в мелкий цветочек, волосы собраны в небрежный пучок, на щеке — мазок муки, а в уголках глаз — лучики-морщинки от улыбки. Она непринуждённо разливала чай по кружкам, и над столом поднимался тонкий пар. Редко выпадали дни, когда мама так воодушевлённо колдовала над готовкой.

— Дорогая, садись завтракать. В будни таких завтраков не будет! — подмигнула она.

— Ой, блины! — я широко улыбнулась. — А сгущёнка есть?

Мама кивнула на хрустальную вазочку на столе, до краёв наполненную тягучей сладкой массой. Вкусный завтрак добавил мне энтузиазма на весь день. Мамины блины оказались тонкими, кружевными по краям, и сгущёнка тянулась с ложки сладкой ниточкой.

Мы неспешно завтракали и болтали о пустяках. Мама рассказала, как утром выгуливала Молли. Оказывается, наша «королева», как мы её часто звали, подобрала на улице какой-то мусор и с упорством не желала его выплюнуть. После прогулки мама уже заказала для неё специальный намордник… Потом я, шутя, пожаловалась на преподавателя по риторике. Он был ужасно нудным, и на его занятиях студенты часто скучали. Зато на каждой паре он старательно отмечал присутствующих и грозился не принять экзамен у «прогульщиков».

— Ой, в моём студенчестве таких тоже было много! — мама махнула рукой, допивая чай. — Я, в отличие от тебя, Катя, вообще образцовой студенткой не была. Помню, был у нас преподаватель по истории, кажется. Такой вредный старикашка — жуть! Как сейчас помню его: «Наталья, с вашей посещаемостью я бы не языком на занятиях чесал, а преподавателя слушал!»

Мы рассмеялись.

— М-да, интересно, в кого же я такая «образцовая студентка»? — заметила я.

— Да вот сама гадаю! — мама потрепала меня по плечу и подмигнула.

Меня вдруг настигла ностальгия. Когда я была маленькой, мама часто пекла блины на завтрак, и мы вот так же сидели вдвоём, обсуждая всё на свете. Я очень дорожу такими моментами. Для кого-то это просто завтрак с мамой. Для меня — нечто большее. И сейчас, и в детстве.

— Было очень вкусно! — я чмокнула маму в щёку, убирая за собой посуду.

— Какие планы на день? — поинтересовалась она.

— Знаешь, я, пожалуй, прогуляюсь до портового кафе у входа в гавань. — Это занятие я придумала на ходу.

— Давай, дочь. Только надень пальто, прошу тебя! Сегодня и без того прохладно, а там, у воды, ты в своей кофтейке вообще замёрзнешь.

— Хорошо! Но я ещё никуда не иду, сначала приберусь в комнате и побегу.

Мама одобрительно кивнула.

Не думая о соседях, я включила на полную *«Boulevard of Broken Dreams»* любимых *Green Day*. Бас приятно загудел в груди, и я невольно подпевала припеву, протирая рабочий стол. Пыль танцевала в солнечном луче, книги одна за другой возвращались на полки ровными рядами, и даже это казалось мне небольшим праздником. Лена, моя подруга, всегда хихикала, мол, как филолог-романтик может слушать панк-рок на полной громкости? А я лишь смеялась. Ничто не нравилось мне так, как этот ритм. Под него даже самая скучная рутина превращалась в маленький бунт. Мама говорила, музыкальный вкус достался мне от отца. Она всегда с улыбкой вспоминала, как в молодости он так же на всю квартиру включал *Scorpions* и *Metallica*, нелепо подпевая музыкантам.

Но, увы, папу я почти не помню. Его не стало, когда мне было три года. Отец работал инженером и, возвращаясь с ночной смены на заводе, попал в аварию. Деталей я не знаю. Помню только, как плакала мама, не в силах скрыть горе от маленькой меня. Не знаю, как смерть папы отразилась на мне, но в детстве я очень по нему скучала. Меня мучил вопрос: «Почему других детей из школы забирают папы, а меня всегда только мама или бабушка?» Мне казалось это жутко несправедливым. Каждый ребёнок заслуживает отцовской любви. Сейчас я взрослая, и хоть об отце думаю редко, меня окутывает теплом, когда ко мне обращаются «Екатерина Андреевна» — будто он рядом. На полке в коридоре до сих пор стоит его фотография — молодой, смеющийся, с растрёпанными ветром волосами. Иногда я останавливаюсь напротив и просто смотрю.

Не желая грустить, я достала из ящика стола ежедневник. Пролистала до последней заполненной страницы и спохватилась — я ведь ещё не выбрала тему для курсовой. В нашем университете утверждать её с преподавателем не требовалось — нам давали список допустимых тем, и каждый выбирал сам. Многие одногруппники уже позаботились об этом, а я всё откладывала. Пробежав глазами по строчкам, я, кажется, нашла свою: «Эпистолярный жанр в русской литературе XIX века». Как увлекательно! В самом названии темы слышалось что-то тёплое и сокровенное — письма, написанные от руки, чужие тайны, доверенные бумаге. Уверена, что смогу раскрыть тему по-настоящему интересно. Можно разобрать роман Достоевского «Бедные люди» или обратиться к эпистолярному наследию Пушкина. Я так воодушевилась, что решила приступить к работе сегодня же. «Возьму ноутбук в кафе и прямо там напишу введение!» — подумала я.

Закончив с уборкой, я стала собираться.

Из динамиков зазвучала *«Holiday»*, а я уже красила тушью ресницы. Достав из шкафа графитовое пальто и шёлковый платок с нежным узором, я вдруг задумалась, как редко я куда-то наряжаюсь. А сегодня сильно захотелось. В голове сразу нарисовался образ — бордовая блузка, кожаная юбка до колен и любимое пальто, которое так просила надеть мама. Шёлк блузки приятно холодил кожу, юбка села идеально, а пальто укутало тяжёлой, уютной тканью. Довольная собой, я отыскала на дне университетской сумки косметичку. Старательно подкрасила губы нежным блеском, добавила лёгкий румянец на щёки и каплю духов с ноткой ванили и цитруса — на запястья. Получилось женственно и мягко. Волосы решила лишь расчесать, ведь от природы они игриво завивались на концах, а укладка всё равно не пережила бы наш влажный осенний воздух.

Напоследок я подошла к зеркалу в прихожей и критически осмотрела себя. Голубые глаза смотрели с лёгким вызовом: «Ну что, готова покорять мир?» Я усмехнулась отражению. Светлая кожа, веснушки и свежий румянец — кажется, я в самом деле выспалась. Каштановые пряди плавно легли на плечи, а блуза эффектно оттеняла цвет глаз. И зачем я так стараюсь? Ответа я не знала. Просто хотелось быть красивой — для себя, для этого дня, для чего-то неясного, что ждало впереди.

Сложив в сумку ноутбук и кошелёк, я присела на корточки перед Молли.

— Пока, Булка! Обещаю на обратном пути купить тебе вкусняшку, — я нежно погладила её между большими ушами.

Она задорно махнула хвостом и звонко гавкнула, словно отвечая: «Приходи скорее!»

Я махнула маме рукой и вышла за дверь. На лестничной клетке пахло осенью и домашней выпечкой, а с улицы, из-за приоткрытого окна на площадке, тянуло прохладой и мокрыми листьями. Я сделала глубокий вдох — и отправилась в любимое кафе.

Глава 2

Прохладный осенний ветер слегка щипал щёки и путался в волосах. Мама была права, когда попросила надеть пальто — у воды я бы замёрзла в своём кардигане. Осень пришла в наш город неожиданно — будто и сама удивилась собственному приходу. Ещё полторы недели назад я выходила на улицу в клетчатой рубашке поверх платья, а сегодня половина горожан натянули на себя куртки-ветровки и пальто. Листья ещё не пожелтели, но воздух уже пах ими — влажно, медово и чуть горько.

Я люблю осень. Считаю её временем одиночек. А себя я причисляла именно к этой категории. Конечно, у меня есть любящая мама, прекрасная подруга, дом, где меня всегда ждут. Но… у меня никогда не было кого-то вроде… парня. Я только мечтала об этом и много размышляла. Смотрела романтические фильмы по сотому кругу, перечитывала любовные романы и честно завидовала героиням — у них были встречи под дождём, трогательные признания в письмах и поцелуи у подъездов. А у меня были лишь воспоминания о том, как в начальной школе сосед по парте таскал мне компот в столовке (откуда он его доставал, до сих пор непонятно…).

Не могу дать однозначного ответа, почему к двадцати годам я ни разу не заводила отношений. Лена считает, что я перечитала романтики и мои ожидания от парней завышены — таких кавалеров в реальной жизни не бывает. «Все имеют недостатки. Смирись», — так она пыталась меня вразумить. Но я упорно продолжала ждать своего «принца». Наверное, глупо, и я понимаю это. Однако мне очень комфортно в своих мечтах. Комфортнее, чем на самом деле с кем-то знакомиться, ходить на свидания, а потом разочаровываться. Да, именно разочаровываться. Ведь даже в конце произведений, которые я обожала, нередко приходилось плакать отнюдь не от счастья… Я боялась полюбить. И ещё сильнее боялась не суметь разлюбить того, кто причинит мне боль. Эти страхи держали меня надежнее любых замков.

Кафе стояло у самого входа в гавань, и я любила его за это. Столик мне достался у перил, с видом на воду. Официант принёс эспрессо и два круассана с солёной карамелью — мою слабость. Я решила подкрепиться и заодно сесть за курсовую. В этом заведении удивительно уживались гул голосов, звон чашек и крики чаек, а под всем этим — низкое, спокойное дыхание воды. Я словно почувствовала прилив сил, и введение далось на удивление легко.

В своей работе я исследовала эпистолярный жанр XIX века. Это уникальная форма, где сюжет строится преимущественно на обмене письмами. Очень трогательно! Думаю, эта тема была создана для моей души, выращенной на историях любви. В этом столько тепла — бумажные письма. Бумага стерпит всё. На ней легко выболтать лишнее — просто потому, что пока выводишь строчки, накрывает лавиной мыслей и чувств. Но в этом-то и прелесть. В нашем стерильном мире цифрового общения как раз не хватает такой искренней неосторожности. Даже если в бумажных письмах давно нет практической пользы, почему бы не писать их просто так? Ради сюрприза для близкого человека. Как живую альтернативу бездушным открыткам из типографии.

Мой столик стоял на террасе. Несмотря на сезон, такие места ещё не «заморозили» до весны. У воды было прохладно, зато воздух здесь был необычайно свежий — с солью, водорослями и ещё чем-то неуловимым, что можно вдохнуть только в гавани. Я плотнее запахнула пальто и потёрла ладони одна о другую. Чашка грела пальцы, и это было почти счастьем.

В чашке оставалось буквально два глотка кофе. Я отвела глаза от ноутбука, чтобы дать им отдохнуть от экрана, и сидела так, рассматривая окружающих. За соседним столиком пожилая пара делила десерт на двоих. Мальчишка в жёлтой ветровке гонялся за чайками и заливался смехом, когда они взлетали прямо из-под его ног. И вдруг мой взгляд приковала компания молодых людей. Они неспешно шли по набережной, ещё довольно далеко, но силуэты угады-

вались безошибочно — строгая морская форма, прямые плечи, размеренный шаг. Их было четверо. Один шёл чуть впереди — как бы во главе группы — и остальные смеялись чему-то и подстраивали шаг под него.

Я засмотрелась. Форма действительно им шла. В ней было что-то прекрасное и строгое, словно из другого времени. Тот, что шёл впереди, вдруг повернул голову — и мне на секунду показалось, что он смотрит прямо на меня. Я поспешно уткнулась в экран. Глупости. Похоже, кофе ударил мне в голову.

Я твёрдо решила закончить начатое и отправиться домой. Солнце уже начинало клониться к крышам, и ветер стал заметно холоднее. Тогда я даже пожалела о том, что не закутала шею шарфом.

Я потянулась к чашке, чтобы допить кофе, и в этот момент на столе завибрировал телефон. От неожиданного звука я дёрнулась. Рука задела чашку — и та опрокинулась. Горячий кофе плеснул на клавиатуру, на стол, на мой рукав.

Секунду я сидела неподвижно. Потом бросилась спасать — схватила ноутбук за край, подняла, перевернула. Капли стекали по крышке на столешницу. Сердце колотилось где-то в горле. В глубине ноутбука умирала моя курсовая и ещё куча важных и ценных файлов. В эту секунду в голове фоном мелькнула мысль о том, что надо будет купить флешку.

«Ну что за растяпа!» — мысленно отругала я себя, судорожно роясь в сумке в поисках салфеток.

— Позвольте помочь.

Голос был низкий, чуть хрипловатый и очень спокойный. И от этой безмятежности мне почему-то сразу стало стыдно за свою панику.

Подняв глаза, я увидела его — того, что шёл впереди, — «главаря» из компании моряков. Вблизи он оказался ещё симпатичнее, и мне хотелось разглядеть его получше. Но надо было спасать ноутбук.

Он не стал ничего выспрашивать. Подхватил стопку салфеток с соседнего столика, наклонился и точными, уверенными движениями начал промакивать клавиатуру. Бережно, будто имел дело с чем-то живым. Потом перевернул ноутбук, раскрыл его под углом и слегка встряхнул.

— Главное, чтобы не на материнскую плату, — тихо проговорил он. — Полчаса не включайте. Пусть просохнет.

Я кивнула слишком энергично. На столике остались бурые лужицы и россыпь салфеток. Я схватила одну и принялась стирать «улики», чувствуя, как горят щёки. А он никуда не ушёл. Наоборот — взял другую салфетку и стал вытирать край стола со своей стороны. Мы работали молча, как два заговорщика — я от стыда, он, видимо, из вежливости.

Я ловила себя на мысли, что слишком часто поднимаю глаза. Его руки — сильные, с заметными венами на запястьях — двигались удивительно деликатно. На правой, над костяшкой, белел маленький шрам. Ничего особенного, просто деталь, которую я зачем-то отметила для себя.

Когда стол наконец стал чистым, он выпрямился и посмотрел на меня уже внимательно. Тёмные волосы в аккуратной стрижке, смуглая кожа, выразительные брови. И глаза — восхитительно голубые, неожиданные для такого смуглого лица, обрамлённые длинными ресницами. Он изучал меня без лишней спешки, а я в этот момент отчаянно пыталась вспомнить, как дышать.

— Дима, — сказал он.

— Катя, — улыбнулась я.

Он кивнул на экран всё ещё раскрытого ноутбука. Там светилось моё введение: «Эпистолярный жанр в русской литературе XIX века».

— Катя, чем же вы так увлечены в такой чудесный день? — он чуть склонил голову набок. — Работаете в воскресенье?

В его интонации не было фамильярности — только лёгкая, добродушная ирония. Будто мы сто лет знакомы.

— Эпистолярный жанр XIX века, — смущённо призналась я. — Письма, понимаете? Как люди умели говорить о чувствах на бумаге. Это тема моей курсовой работы.

— А, так вы студентка, — он слегка приподнял бровь, окинув меня быстрым взглядом. — Честно говоря, я думал, вы уже закончили университет. Выглядите так, будто давно работаете.

— Мне только двадцать, — я невольно улыбнулась его искренности.

— Серьёзно? — он рассмеялся. — Простите, не хотел обидеть. Просто вы кажетесь... взрослее. В хорошем смысле, конечно.

— Ничего страшного, — отмахнулась я. — Я приму это за комплимент.

Он кивнул, словно соглашаясь с самим собой, и снова посмотрел на экран.

— Письма, — повторил он задумчиво. И вдруг улыбнулся. — Тогда вы попали по адресу.

— В каком смысле? — я невольно наклонилась вперёд.

Он кивнул в сторону гавани. Там, за причалом, стоял на якоре средних размеров корабль с синей полосой по борту.

— Я моряк, — он развёл руками с видом человека, который сдаётся. — А по стереотипам моряк без письма — как корабль без паруса. Так что считайте, что вы нашли живой экспонат для своей курсовой.

— Живой экспонат? — я рассмеялась, и напряжение, державшее мои плечи всё это время, наконец отпустило. — Только предупреждаю: филологи народ дотошный — замучаю вопросами.

— Экспонат только и ждёт вопросов, — заверил он с абсолютно серьёзным лицом.

— Тот? — я кивнула на корабль. — Ваш?

— Мой, — подтвердил он. — Сегодня уходим. Под вечер.

— Сегодня? — я даже удивилась, как огорчённо это прозвучало. — Так скоро?

— Море не любит ждать, — он пожал плечами, но взгляд остался серьёзным. — Отход в восемь. Так что у меня в запасе ещё часа три берега. — Он посмотрел на меня, потом на закрытый ноутбук и вдруг предложил: — Может… потратим их на вашу науку? Погуляем по набережной, вы позадаёте свои вопросы, я честно отвечу. Полевое исследование, так сказать.

Я задумалась ровно на секунду. Честно говоря, даже меньше.

— Только с одним условием, — я захлопнула крышку ноутбука. — Экспонат идёт по внешней стороне тротуара. Я не готова терять интервью под колесами.

— Договорились, — он улыбнулся и встал.

Но про мою «науку» мы, конечно, не говорили. Она лишь послужила предлогом для продолжения знакомства.

Мы вышли на набережную, и город сразу остался позади. Слева тянулись склады и подъёмные краны, справа лежала вода, а впереди была дорога вдоль перил, вся в косом золоте — солнце уже село низко и светило нам в бок. Очень по-осеннему.

Пахло солью, соляркой и дешёвой выпечкой из ларька неподалёку. Вода тяжело и ровно хлопала о сваи, кое-где скрипели канаты. Я шла рядом с ним и ловила себя на том, что мне легко. Удивительно — совсем недавно я сидела над ноутбуком с головой, полностью занятой лишь темой курсовой работы, а сейчас будто вышла из душной комнаты на воздух.

Он шёл чуть вразвалочку, будто асфальт качался под ним, как палуба. А ещё говорил неспешно, будто каждое слово имело для него вес.

Чайка села на перила рядом с нами и принялась орать, глядя на нас в упор. Громко, возмущённо, будто мы уже взяли у неё что-то своё.

— Чего он? — спросила я.

— Наверное, мы ему мешаем, — сказал Дима, не оборачиваясь.

Я на всякий случай сделала шаг в сторону, и он улыбнулся.

Дальше по набережной была скамейка лицом к воде, старая, с облезшей краской и чьими-то инициалами, выцарапанными на спинке. Мы сели на неё, не договариваясь. Скамейка холодила спину сквозь ткань пальто, но вставать всё равно не хотелось. Солнце светило нам в лица, ветер трепал мои волосы.

Я достала телефон, чтобы посмотреть время. Честно говоря, время меня не интересовало. Просто это был мой проверенный способ пережить неловкую паузу — достать, взглянуть, убрать. Три секунды, за которые можно собраться с мыслями. Смешно, конечно. Но у всех свои тараканы.

— Это твоя? — спросил вдруг Дима.

Похоже, Дима решил, что уже самое время переходить на «ты».

— Кто? — смутилась я.

— Я случайно глянул на твой экран блокировки, — он кивнул на мою сумку, в которую я только что убрала телефон. — Очень харизматичная особа, — он улыбнулся.

И тут я всё поняла. Действительно, на заставке моего телефона красовалась Молли. Фото было сделано этим летом во время прогулки в нашем парке у дома. На нём она сидела в зелёной траве совершенно довольная. И даже немного наглая, я бы сказала…

— А… да. Моя, — я облегчённо выдохнула. — Её зовут Молли.

— Ей подходит, — Дима замолк на минуту, а его лицо приняло загадочное выражение. Будто он пытался вспомнить что-то. Наконец, он продолжил:

— Знаешь, в моей семье никогда не было животных. Как-то не повелось. Но зато у бабушки в деревне жил лохматый пес-дворняга, — его голос приобрёл тёплое, очень привлекательное звучание. — Его звали Шариком. Совсем как тот, из «Простоквашино».

— Ты часто с ним играл?

— Почти нет, — с сожалением в голосе выдохнул Дима. — Когда я родился, он уже был старым псом. На все мои попытки поиграть он отвечал усталым взглядом. Если честно, это было смешно, — его лицо расплылось в счастливой, почти мальчишеской улыбке.

— Да, представляю, — кивнула я, не понимая, что ещё ответить.

— А сейчас никого. Бабушки нет, дом продали. Шарик… — он замолчал на мгновение, пожав плечами. — Его не стало уже очень давно. А я до сих пор помню его добрые усталые глаза и звонкий лай, — он улыбнулся, и его взгляд скользнул по моему лицу.

— Знаешь, эта история очень грустная и светлая одновременно.

Во время этих слов лицо Димы заметно просияло. Он слегка приподнял брови, и его пронзительно голубые глаза, казалось, заглянули мне прямо в душу.

— Думаешь?

Я утвердительно кивнула.

— В твоём рассказе я слышу боль от потери не только бабушки и замечательного пса… — я замялась. — Ты будто грустишь о том, что детство прошло, и многое из него никогда не вернётся. Но ведь в этом есть и что-то светлое, верно?

— Например то, что всё это когда-то у меня было, — он улыбнулся. — Ты права. Я скучаю по этому времени. Вспоминаю с теплотой.

Он замолчал, и я не стала торопиться заполнять эту паузу чем-нибудь.

Мне казалось, что даже ветер притих, чтобы не мешать.

— Ты не замёрзла? — спросил Дима, явно заметив, как я жмусь в пальто.

— Если честно, есть немного, — смутилась я.

— Идём в «Причал»? — спросил он, переводя взгляд с меня на здание кафе, в котором мы недавно познакомились.

— Но ведь… — замялась я, вспомнив о своём недавнем недоразумении там. Но он неожиданно перебил меня:

— Никто не станет смотреть на тебя косо лишь потому, что ты случайно пролила кофе. Поверь мне, со стороны это выглядело даже мило.

Я почувствовала, как к моим щекам прилила краска от смущения. Но мне было очень приятно его замечание, ведь я и правда немного переживала о том, как всё это выглядело…

— Тогда идём, — заключила я, вставая со скамейки.

На этот раз мы зашли в само здание кафе, ведь в первую очередь мы хотели согреться. Зайдя в тёплое помещение, я почти мгновенно ощутила испарину по спине от перепада температур. Теперь мне стало жарко. Я стянула с шеи платок и сняла пальто. В заведении был гардероб, но вспомнила я о нём только тогда, когда уже уложила пальто на сиденье рядом.

— Добрый день! — к нам подбежал официант, протягивая каждому меню. — Готовы сделать заказ?

— Здравствуйте, — хрипло отозвался Дима. — Мне, пожалуйста, сэндвич с курицей и капучино… — он взглянул на меня, а затем добавил: — А тебе что, Кать?

Я на секунду замешкалась, делая вид, что изучаю меню, хотя уже давно знала его наизусть.

— Пожалуй, я не голодна. Принесите просто зелёный чай.

Дима странно взглянул на меня, будто хотел сказать: «Бери что хочешь!». Но вслух ничего не произнёс.

— Понял. Ожидайте, — официант удалился.

Между нами повисла тишина. Дима разглядывал свою фуражку (или делал вид), а я вертела кольцо на пальце. Молчание становилось неловким.

Наконец, Дима нарушил тишину.

— Сегодня уходим в рейс… и до самой зимы, — грустно улыбнулся он, взглянув на меня. — Даже как-то жаль, что мы познакомились только сегодня.

— Почти три месяца… — вдруг поняла я.

— Пожалуйста, ваш заказ, — официант словно возник из воздуха. — Приятного аппетита.

— Благодарю, — сказал Дима.

Я лишь молча кивнула.

— Да, Катя, это почти три месяца в море. И без тебя, — его взгляд быстро скользнул по моему лицу, задержался на губах — и он резко уткнулся в кружку.

— А ты бы хотел… — я замешкалась, подбирая слова. — Ну… продолжить общение?

— Да. Вопрос лишь в том, хочешь ли ты этого.

Я заговорщицки улыбнулась.

— Я…

— Стой. Прежде, чем ты согласишься, я напомню, Катя: меня не будет почти три месяца и я, возможно, не сильно понравлюсь твоим родителям, если они узнают, что мне двадцать шесть, — похоже, его очень позабавила мысль об этом, ведь сейчас он улыбался искренней улыбкой «во все тридцать два».

— Хм, а с чего ты решил, что я соглашусь? — я отхлебнула свой чай, пытаясь скрыть свою, такую же улыбку.

— Возможно, потому, что ты до сих пор не ушла, — начал он. — А ещё ты буквально сверлишь меня взглядом, — я театрально возмутилась, и Дима продолжил: — Да-да! Ты думаешь, что я этого не замечаю, но боковым зрением я вижу прекрасно. Ты буквально меня рассматриваешь!

Мы тихо рассмеялись.

— А я думала, боковое зрение — это только наш, женский дар, — пошутила я. — Хотя если ты замечал мои взгляды, значит, и сам рассматривал меня не меньше.

— Каюсь, было! — сказал он.

— А вообще, если серьёзно… — начала я. — Мне и правда хотелось бы продолжить с тобой общение.

Он просиял.

— Я рад, — впервые за это время я заметила, что он смутился. — Только…

— Что?

— Ну… мы ведь не сможем общаться всё это время. Интернет и нормальная связь есть только в портах, а большую часть времени мы в море…

Я заметно поникла. Но потом вдруг в голове родилась безумная идея.

— А что насчёт писем? — выпалила я.

Дима слегка наклонил голову вбок, будто не расслышал или не понял меня.

— Письма… В смысле бумажные? Обычные?

— Ну…да, — я неловко пожала плечами. — Так романтично…

— Уверена? Письма наверняка идут не быстро, мы до декабря успеем не очень много написать друг другу.

— Понимаю, — я выдохнула с сожалением в голосе. — Но так мы будем на связи. А если я надоем тебе, то не придётся заносить меня в чёрный список и удалять переписку.

Он улыбнулся. Однако почти сразу улыбка сошла с его лица, и он вдруг стал озадаченным.

— Давай, — сказал он. — Только… давай честно, мы ведь не расстанемся сейчас как пара, верно?

Я нахмурилась, ведь вопрос показался мне странным.

— Эм… Нет. Дим, мы не можем сейчас расстаться как пара, — я улыбнулась, поджав губы. — Это невозможно. Мы почти не знаем друг друга.

— Фух! — выдохнул он, отчего мне, если честно, стало чуточку неприятно. — Не пойми меня неправильно — ты мне понравилась. Просто не хотел, чтобы ты ждала меня, отшивая каждого парня, который проявил к тебе внимание. Тебе это не нужно, поверь.

Я смутилась так, что нужных слов не нашла.

— Будем друзьями по переписке? — наконец выдала я.

— С удовольствием! — он сказал это чуть громче, чем говорил до этого.

На его «с удовольствием» обернулись пара человек за соседними столиками, и мы оба рассмеялись и разом перешли на шёпот.

— Тише ты, — шепнула я. — Нас же слышно.

— Пусть слышат, — тоже шепотом ответил он. — У друзей по переписке должны быть свидетели.

Дима доел свой сэндвич. Я допила свой зелёный чай маленькими глотками. В кафе стучали ложечки, скрипела входная дверь, из колонок лилась тихая песня, которую я знала, но никогда не могла вспомнить название.

Когда официант принёс счёт, я потянулась к сумке за кошельком.

— Я сама.

— Даже не думай, — он положил купюру на блюдце раньше, чем я успела расстегнуть кошелёк. — Чашка чая — не яхта, — он подмигнул мне.

Признаюсь, этот жест был приятен. Хотя, конечно, я и сама могла оплатить свой чай.

На набережной мы оказались снова, когда на город опустились сумерки. Фонари горели жёлтыми островами в синеве, вода под ними шла тёмная и маслянистая, и воздух стал совсем холодным, так что я закуталась в воротник пальто, как смогла. Мы пошли неспешно, без цели, и разговор потёк сам собой.

— А когда ты вернёшься, что будешь делать? — спросила я.

— Да как обычно, — Дима пожал плечами, — смотреть сериалы, слушать музыку, ходить в магазин и всё такое. Когда я не в рейсе, живу так, будто я подросток, который только уехал от родителей.

Я улыбнулась.

— И что, так прямо всегда? Неужели ты никогда не заводил отношений?

Дима чуть слышно рассмеялся.

— Катя, мне двадцать шесть. Конечно, в этом плане я давно не подросток, — он замешкался на мгновение, — да и серьёзные отношения у меня тоже были. Но ничего не получилось, — он внезапно повернул голову и взглянул в упор.

— Ладно, это не моё дело, — смутилась я.

— А ты? — осторожно спросил Дима. — У тебя были серьёзные отношения когда-то?

Мне стало смешно после этого вопроса, но я сдержала смех. Ведь на минуту у меня появилось ощущение, будто Дима — какой-то пятиюродный дядя, который спрашивает: «Ну что, жених-то уже есть?».

— Я тебе скажу больше — у меня и несерьёзных никогда не было, — я всё же не удержала тихий смешок.

— Ого. Для меня это удивительно.

— Почему?

— Ну ты… кажешься мне красивой и очень интересной.

Смутившись, я почувствовала, как по телу пробежали мурашки.

Мы шли, и сумерки сгущались вокруг нас, как вода в стакане, в который капнули чернил. В порту одна за другой зажигались лампы, над кораблями натягивались гирлянды палубных огней, и всё это отражалось в чёрной воде дрожащими полосками. Я замёрзла уже основательно, пальцы в карманах стали деревянными, но мне всё равно не хотелось, чтобы эта прогулка заканчивалась.

Она закончилась сама. Дима взглянул на часы и остановился.

— Всё, — сказал он, и голос его стал тише. — Мне на построение. Перекличка перед отходом — дело серьёзное, опоздавших не любят.

У проходной, за которой уже горели прожектора и по трапу ходили фигуры в куртках, он вдруг полез во внутренний карман и достал ручку.

— Адреса, — сказал он. — Давай свой. И мой запиши, иначе эксперимент не состоится.

Я вырвала листок из ежедневника и сложила его пополам. На верхней половинке написала свой адрес, улицу, дом, квартиру и индекс вывела особенно старательно. Нижнюю половинку оставила ему. Он писал крупно, чуть наклоняя буквы, и в конце поставил завиток, будто расписался в судовом журнале: теплоход «Волга», до востребования портовой почты, а ниже строкой мельче — «если не догонит, пиши маме, адрес ниже».

Потом листок разорвали по сгибу. Мне досталась его половинка, ему — моя.

— Теперь не потеряешь, — сказал он, пряча свою половину во внутренний карман.

За проходной он остановился ещё раз и кивнул куда-то вверх.

— Флаг спустили с закатом, — сказал он. — По всем морским правилам. Значит, берега у меня почти не осталось. Но он был хороший…

— Пиши, — сказала я.

— Конечно.

Он повернулся и пошёл через проходную, не оборачиваясь.

Я постояла у ограды ещё минуту, глядя, как прожектора выхватывают из темноты палубу и синюю полосу по борту. Потом ветер пробрался под пальто окончательно, и я пошла к остановке.

Автобус пришёл урчащий, полупустой, и в салоне было тепло до почти неприличного, пахло мокрой шерстью и дешёвым освежителем. Я села у окна, и стекла тут же запотели от моего же дыхания, и я провела по стеклу ладонью, чтобы видеть, как город поплывёт мимо. Порт остался позади, гирлянды палубных огней слились в одну светящуюся ниточку, и я смотрела на неё, пока она не погасла за поворотом.

В кармане шуршала половинка листка. Я то и дело трогала её рукой, боясь потерять.

Домой я добралась, когда двор уже спал под жёлтыми фонарями. Вечером я включила ноутбук и, вопреки всем страхам, он остался жив, а курсовая была цела. Открыв файл с работой, я долго смотрела на введение. Но потом закрыла его, не дописав ни строчки.

Я тогда ещё не знала самого главного в этой теме. Что письма — это лёгкая часть. Труднее всего в эпистолярном жанре — ждать.

Глава 3

Лена пришла сразу после пар и, не сняв куртки, начала дознание.

— И ты ему поверила?! Вы знакомы ровно одно воскресенье, о какой влюблённости ты говоришь? — воскликнула подруга, всплеснув руками. — А ты не задумывалась, что он может оказаться маньяком?

Я изобразила удивление, округлив глаза.

— Да-да, именно! Вот он разузнал твой адрес, а теперь выжидает момент, чтобы напасть! — не унималась Лена.

Подруга училась на третьем курсе юридического факультета, и отдыхом для неё служили документалки про серийных убийц. Интонации Леонида Каневского она использовала чаще, чем слово «здравствуй», а «маньяк» в её устах звучал почти как ласковое прозвище.

— Послушай, — сказала я как можно спокойнее. — Я и сама понимаю, что звучит это странно. Но он не попросил ни телефон, ни соцсети. Только почтовый адрес. Чтобы прислать бумажное письмо.

— Тем хуже! — отрезала Лена. — Маньяк по переписке, Катя. Это новый уровень.

Я рассмеялась.

— Лена, я не влюбилась в него, — сказала я. — Честно. Я знаю его от силы три часа и не знаю даже его фамилии. Просто… — я подбирала слова. — Он показался мне интересным, довольно симпатичным… И знаешь, у него такие…

— Глаза, — прищурилась Лена. — Сейчас ты скажешь, что у него красивые глаза.

— Красивые, — согласилась я. — Цвета штормового моря. Но дело не в них.

— Дело в том, что ты наивная, — выдохнула подруга. — Я понимаю, глаза. Но ты хоть паспорт его видела? Или он просто сказал «я моряк, меня зовут Дима», и ты поверила? Это классическая схема — романтика, расстояние, любовная переписка. А через месяц он попросит денег на «ремонт корабля» или на что ещё.

Я не стала спорить. Наоборот, на минуту действительно задумалась — а вдруг за этим его спокойствием прячется кто-то совсем другой? Но потом вспомнила его лицо, когда он рассказывал про детство, бабушку и Шарика, — и мне стало стыдно за собственное подозрение.

— Ладно, я больше не буду строить догадок насчёт твоего моряка, — наконец смилостивилась Лена. — Но учти — я тебя предупредила.

— Предупредила, — кивнула я. — А теперь идём разбирать книги. Мы ведь для этого и собрались.

Весь вечер мы разбирали стеллажи в моей комнате. За много лет там накопилось столько книг, что они уже не помещались на полках — иные лежали вторым рядом, иные ютились на полу стопками, давно потерявшими всякую надежду быть разобранными. Я любила чтение, поэтому залежи постоянно пополнялись. К тому же некоторые экземпляры были ужасно пыльными. Я, конечно, не была неряхой, но каждую субботу ленилась протирать полки, а в последнее время дышать этой пылью стало невыносимо. Поэтому было решено разобрать эту «свалку», протереть поверхности и выбросить мусор. Хорошие, но ненужные книги я решила отдать в университетскую библиотеку — оказывается, там принимают книгопожертвования — что-то включают в фонд, что-то отправляют на полку книгообмена. Одной заниматься всем этим было невыносимо скучно, и я заранее знала, что не доведу дело до конца. Поэтому позвала Лену — она была только рада помочь. С ней даже протирание пыли казалось интересным занятием.

Стоило потянуть одну из старых книг, как в воздухе поднималось облачко пыли. Я чихнула, и Лена рассмеялась:

— Кажется, эти книги решили объявить тебе войну.

— Тогда им стоило сдаться раньше, — пробурчала я в рукав и вытащила очередной том.

Я провела пальцем по корешку одной из книг — бумага пожелтела, страницы шуршали, как сухие листья. Некоторые книги были особенно «древними» — эти были из бабушкиной библиотеки, и их я ценила больше остальных. Бабушка всю жизнь преподавала русский язык и литературу в одной и той же школе, и казалось, что полгорода у неё когда-то училось. Стоило нам зайти в магазин у её дома, как со всех сторон слышалось: «Здравствуйте, Ольга Ивановна!» — а она улыбалась и кивала очередному своему бывшему ученику. В детстве я часто гостила у неё — мы часами сидели в её комнате, окружённые книгами, и мне казалось, что я сама попала внутрь большой и доброй истории.

К сожалению, три года назад её не стало. Я долго горевала по ней. Пересматривала её любимые фильмы, ставила на фон музыку, которую она обожала. Будто пыталась снова почувствовать, что она рядом.

Вся её обширная библиотека, со старыми книгами прямиком из СССР, переехала ко мне. Я радовалась не столько самим книгам, сколько тому, что они бабушкины.

— Смотри, — я вытянула из-за ряда томов тонкую папку. — Это ещё что?

Лена заглянула мне через плечо. В папке оказалась фотография с заломом посередине.

— О боже, — выдохнула она. — Это мы?

Это были мы. Четвёртый класс. Я — с бантом, съехавшим набок, и с коротко остриженной чёлкой, Лена — с мешком сменки в руке и мрачным лицом свидетельницы на суде. Мы стояли на школьном дворе, и Лена держала мешок так, словно это оружие.

— Лена, — сказала я медленно. — А почему там у тебя мешок?

— Потому что в тот день я собиралась защищать твою честь, — ответила она без тени улыбки и только потом усмехнулась. — Какой-то пацан сказал, что ты с этой чёлкой выглядишь стремно.

— И мешок?

— Чтобы боялись, — пожала плечами Лена. — Сработало, между прочим.

— Я всегда говорила — в гневе ты страшна, — пошутила я.

— А ты сама была виновата, — усмехнулась Лена. — Кто стрижёт себе чёлку канцелярскими ножницами за день до первого сентября?

— Мне хотелось вернуться в школу лучшей версией себя.

Мы хохотали так, что с фотографии посыпалась пыль. Или это с нас.

Мы дружим с детства и живём в одном дворе. И несмотря на то, что подруга старше меня на год, нам никогда это не мешало. Скорее наоборот — когда мы учились в младших классах, я с гордостью заявляла одноклассникам, что обижать меня — не лучшая затея. Ведь у меня есть подруга, которая старше аж на год, и она обязательно за меня заступится в случае чего. Странно, но тогда это правда работало. Сейчас я лишь мысленно ужасаюсь — что было бы, если бы мои одноклассники тогда решились на «стрелу» с Леной. Наверное, подруга бы на меня здорово обиделась, ведь не каждой четвероклассница понравится отбиваться от стаи наглых девятилеток с мешком от сменной обуви вместо оружия.

Подруга всегда пыталась казаться немного «пацанкой», но я знала, что она ранимая и чрезвычайно добрая девушка. Она лишь старалась держать образ, но со мной ей это было не нужно — я любила её такой, какая она есть.

— Кстати, а как там твой этот… Рома, кажется? — обратилась я к подруге, пряча фотографию в карман.

Рома — её одногруппник. Недавно перевёлся в их группу с другого университета и сразу же начал «операцию по обольщению Лены». По рассказам подруги, он здорово ей надоел — на лекциях усаживался поближе, вызывался готовить совместные проекты. Внешне, как я поняла, он её тоже не впечатлил, однако весомых аргументов на этот счёт Лена привести не могла. Подруга называла его «двоечником» и «лодырем».

— Ой, даже не напоминай, — Лена тут же перевела взгляд на томик Достоевского. — Ты только представь: этот гений сегодня на семинаре с абсолютно серьёзным видом заявил, что основным источником административного права является… — Лена выдержала паузу, — «Административный кодекс»!

— Не может быть. Он правда так сказал? При всех? — как можно более театрально изумилась я. Для меня эта ошибка не была позором или показателем глупости. Хотя даже мне было известно, что основной источник административного права — Кодекс об административных правонарушениях. Ну не так понял парень, что с того?

— Клянусь! А преподша, Анастасия Сергеевна, аж очки на переносицу поправила, сделала паузу и таким ледяным тоном спрашивает: «Молодой человек, а вы давно из школы выпустились? Кажется, на третьем курсе юрфака вам делать нечего. Может, вы имели в виду Кодекс об административных правонарушениях?»

— И что он? — оживилась я.

— А он, не моргнув глазом: «Ну да, это одно и то же, просто для краткости».

Мы дружно рассмеялись.

— Ещё бы Налоговый кодекс назвал «Книжкой о деньгах», — не унималась Лена.

Подруга, как и я, являлась «образцовой студенткой». Однако если по мне это было видно сразу — даже незнакомцы всегда воспринимали меня как «хорошую девочку», — то с Леной всё ровно наоборот. Её яркий макияж и каре, выкрашенное в чёрный, всегда наводили на мысль о том, что она опасная и с ней лучше не спорить. Отчасти это было правдой. Подруга умела находить лазейки там, где их нет, и аргументировать любую точку зрения. Однажды она отлично усвоила, что «кража» и «грабёж» — разные вещи, и теперь каждый раз, когда кто-то рядом использовал неправильный термин, она закатывала глаза так, будто ей наступили на ногу.

Да, мы совершенно не сочетались, но наша дружба была настоящей. Мы пронесли её сквозь годы и взросление. Мы часто спорили и во многом не понимали друг друга, но всё равно оставались лучшими подругами.

Лена слушала рэп и мечтала о тату, я одевалась в блузки и юбки и выглядела «хорошей девочкой» — и только мама с Леной знали, что в наушниках у меня гремит рок. Подруга могла в два часа ночи предложить пойти за шаурмой, я в это время уже сладко спала. Она верила в логику и факты, я — в интуицию и «знаки вселенной».

Но когда мне было плохо, Лена приходила на помощь без вопросов. А если у неё случались проблемы, я спешила к ней. Мы были разными, но именно это и делало нас командой.

Мы наконец закончили. Лена осталась ночевать у меня. У неё завтра занятия только с обеда, в отличие от меня — с утра у меня первая пара, а это означает очень ранний подъём.

— Я возьму вот эту? — Лена обратилась ко мне, держа в руках одну из моих пижам.

— Конечно! — отозвалась я.

Мне вдруг стало так тепло на душе от этого короткого бытового диалога. В этот момент пришло осознание, что я не одинока. Ведь у меня есть Лена, ей можно рассказать что угодно — она примет. И у меня есть мама, которая меня очень любит. «Что ещё нужно для счастья?» — подумала я.

Мы долго не могли уснуть. Обсуждали всё на свете и шутили на самые разные темы.

— Так, дамы, спать! — вдруг послышалось из коридора.

— Тёть Наташ, простите, — громко прошептала Лена.

Напоследок мы ещё раз тихо, как нам казалось, рассмеялись и решили, что действительно пора спать.

Спустя несколько минут я провалилась в сон.

Мне снилась университетская библиотека. Но какая-то неправильная — стеллажи уходили под самый потолок и терялись в темноте, воздух пах пылью и ванилью — как бабушкины

книги, — а свет из окон был густой, медовый, будто за окном стоял вечер, хотя я только-только села заниматься.

Я готовилась к паре, перечитывая отрывки из «Первой любви» Тургенева. Рядом сидел какой-то преподаватель, которого я видела в универе много раз, но какую дисциплину он ведёт и как его зовут — не знала. Он важно постукивал ручкой по столу и смотрел на меня поверх очков, хотя минуту назад очков у него не было, я точно помню.

Вдруг в библиотеку ворвался Дима. В забавном костюме морячка — из тех, в которые наряжают мальчиков на новогодние праздники.

Он подбежал ко мне и… начал меня целовать. Его губы были мягкими и горячими, и он пах свежестью. Я сразу ответила на поцелуй. Он наклонился ещё ближе, его пальцы забрались в мои волосы…

Сидевший рядом преподаватель неожиданно сердито спросил у «морячка»:

— Молодой человек, не подскажете, на каком стеллаже я могу найти Булгакова?

И Дима отстранился от меня, будто нашего поцелуя и не было. Застыв на секунду, он внезапно просиял, глядя на преподавателя:

— Идёмте за мной! А после запишу эту книгу на вас. Кажется, Булгакова давно никто не брал… А вам какая конкретно книга нужна?

Они вместе ушли между стеллажами. А стеллажи медленно сомкнулись за ними, как стены. Я осталась сидеть в недоумении, всё ещё ощущая тепло на губах. И с конвертом в руке — откуда он только взялся? — на котором почерком Димы был выведен мой адрес.

Я начала вскрывать конверт — и проснулась.

На диване в моей комнате тихо посапывала Лена, а за окном было темно, и сердце колотилось так, будто я только что сдала норматив на физкультуре.

Однако я решила, что сон определённо не был плохим. Только часть с Димой-библиотекарем явно была лишней… А вот конверт — конверт мне хотелось открыть.

Глава 4

С нашей единственной встречи с Димой прошло почти две недели. Писем не было.

Я старалась относиться к этому разумно. По моим же прикидкам, первое письмо могло прийти только из первого порта его маршрута — а это, судя по его рассказам, недели через две-три, не раньше. Почта с моря — не курьер. Письмо из первого порта дойдёт до меня позже, чем Дима дойдёт до второго.

И всё-таки я бегала. Утром, перед учёбой. Днём, возвращаясь из университета. Раза два-три в день, если честно считать. Ящики висели в тамбуре первого этажа. Соседка из сорок второй, тётя Валя, кажется, уже научилась узнавать мои шаги на лестнице.

Маме я рассказала о Диме почти сразу — в тот же воскресный вечер, ещё пахнущий для меня горячим кофе и морской свежестью. Всё как есть — пролитый кофе, палуба, помощь Димы и его обещание писать из каждого порта. Мама выслушала не перебивая, налила мне чаю и сказала только: «Ну что ж, Катя. Будем ждать письмо». С тех пор она прекрасно знала, почему я так часто спускаюсь в подъезд.

— Да ты будто ждёшь вестей от самого капитана Немо, — подшучивала она, наблюдая, как я снова натягиваю куртку.

— Мам, я просто выношу мусор, — невозмутимо отвечала я.

Врать маме было бесполезно — она только улыбалась своей всезнающей улыбкой, от которой у меня рассыпались все отговорки. Да и сама я не до конца понимала, почему жду письмо от малознакомого человека — и почему каждый раз, открывая пустой ящик, чувствую внутри тихий вздох разочарования.

В воскресенье утром, когда я вытащила из ящика лишь рекламу компьютерных мастеров, мама не выдержала. Она вышла на площадку и прислонилась к косяку:

— Кать, хватит. Пойдём лучше прогуляемся? Или с Леной куда-нибудь сходите. Тебе нужно отвлечься.

— Мам, но он ведь обещал, — возразила я, впрочем, без особого жара. — Вдруг письмо придёт сегодня и пролежит там до вечера?

— Никуда оно не денется, — твёрдо сказала мама. — Знаешь, когда твой папа служил в армии — это ещё до твоего рождения, мы встречались всего полгода, — я тоже каждый день бегала к почтовому ящику. Даже когда знала, что письма не будет. Сейчас понимаю — это был мой ритуал. Будто само ожидание делало меня ближе к нему.

Я посмотрела на неё удивлённо. Мама редко говорила об отце.

— И как ты справлялась? — тихо спросила я.

— Жила, — она пожала плечами. — Ходила на работу, встречалась с подругами, смеялась до слёз. А письма всё равно приходили. Не всегда вовремя, не всегда такие, каких ждёшь. Но приходили. — Она помолчала и посмотрела на меня прямо: — Не позволяй ожиданию остановить твою жизнь. Ты ведь совсем этого Диму не знаешь. Рано ещё и расстраиваться, и надеяться на большее. Пусть всё идёт своим чередом.

Я молчала, переваривая её слова. Обидно точные, как всегда.

— Ты права, мам, — наконец улыбнулась я. — Позвоню Лене.

— Умничка.

Лене я набрала тут же. Вернее, попыталась — первые три минуты трубка стонала, вздыхала и сообщала, что воскресенье — священное время для сна.

— Лен, на улице осень, — сказала я, когда подруга наконец подала признаки жизни. — Отопления в универе ещё нет, на парах скоро опять будем сидеть в куртках, а мои прошлогодние свитеры выглядят так, будто ношу я их класса с шестого. Я еду в торговый центр. И тебе точно что-то нужно, я уверена.

— Мне нужен сон, — прохрипела Лена.

— Тебе нужен тёплый свитер, — парировала я. — И пончик с глазурью на фудкорте, которым я тебя с удовольствием угощу.

В трубке повисла многозначительная пауза.

— Через час буду готова, — сказала Лена и отключилась.

Я открыла шкаф, чтобы оценить масштаб бедствия. Старый свитер встретил меня катышками и вытянутым локтем. Молли, чувствуя моё настроение, притащила к ногам свой мячик — видимо, в знак поддержки.

***

Торговый центр встретил нас гулом, музыкой и запахом попкорна пополам с парфюмом. Лена примеряла кожаные куртки и тёмные джинсы с потёртостями, крутясь перед зеркалом, как рок-звезда. Я искала что-то сдержанное, без лишних деталей и кричащих акцентов.

— Ну ты посмотри на себя! — возмущалась я по пути в очередной магазин, дёргая её за рукав лёгкой кожанки. — Октябрь на дворе! До сессии простудишься.

— Мне нормально, — отнекивалась Лена, но мы обе знали — сопротивление бесполезно. Если я взялась за дело, я упрямее прокурора.

Мы зашли в ближайший магазин одежды. Цены там были невысокие, и качество, честно говоря, обычно им соответствовало. Но иногда среди этих рядов удавалось отыскать что-то действительно интересное.

— Гляди, надо моему Ромке такую к Новому году прикупить, — смеялась она, показывая мне пёструю мужскую футболку с надписью: «PLAYBOY. Гений. Миллиардер. Филантроп».

— Вижу, ты его уже своим называешь, — фыркнула я, выбирая между двумя блузками.

— Ой-ой-ой! — Лена пихнула меня локтем. — Это так, для шутки.

— Ну-ну, — протянула я. В ответ она показала мне язык и удалилась в обувной отдел.

Как и ожидалось, путного там мы не нашли и двинулись дальше. Следующий встретил нас совсем другим настроением — цены здесь могли и укусить, зато вещи брали своё качеством. Ряды тянулись вглубь зала, вешалки тихо шуршали под пальцами, манекены стояли в нарядах, собранных так старательно, что к ним было неловко прикасаться, а из динамиков по полу разливалась негромкая музыка. Мы провели здесь почти час, и в итоге из всего великолепия я вынесла лишь три вещи: тёмный клетчатый шарф, свитер шоколадного цвета — мягкий, будто объятие, — и кожаные полуботинки на каблучке. У Лены улов оказался солиднее: тёплый тёмно-серого цвета свитер, широкие брюки и толстовка с начёсом, «для вечеров, когда хочется закутаться по самые глаза», как выразилась сама Лена.

В общей сложности мы бродили по магазинам почти два часа.

— Пошли на фудкорт, я голодная, — заныла она на выходе.

Мы поднялись на последний этаж, где пахло корицей и горячим тестом. Я взяла латте и два пончика с глазурью — один себе, второй ещё утром был обещан Лене. Лена взяла чёрный чай и сэндвич с курицей и тут же забрала свой пончик, будто боялась, что я передумаю.

Наш столик стоял у панорамного окна. Снаружи моросил дождь и рисовал на стекле мокрые дорожки, а город внизу расплывался серым и блестящим.

Я смотрела на капли и вдруг подумала — где сейчас Дима? Может, посреди моря, в каюте с крошечным иллюминатором. А может, уже в порту — стоит в очереди на почту.

— Кать, ты чего зависла? — толкнула меня локтем Лена. — О морячке своём думаешь?

— О нём, — честно призналась я и пожала плечами. — Но без трагедии. Я просто прикинула, что первое письмо придёт только из первого порта. Поэтому я пока сильно ни на что не надеюсь.

— М-м, — протянула Лена скептически. — Звучит почти убедительно.

— Почти, — согласилась я и откусила пончик. — Это точно.

Сахарная пудра осталась на пальцах, и в этот момент у нашего столика кто-то остановился.

— О, Катя, привет! — Илья возник у нашего столика и закинул руки на спинку свободного стула. — За покупками?

— Привет, Илья, — улыбнулась я. — Да, запасаемся тёплыми вещами. А ты чего тут? — я с интересом окинула его взглядом — чёрный фартук, бейдж с именем на груди.

— На смене. Подрабатываю тут с лета. Сегодня вот последний день — учёба, сессии, всё такое. — Он перевёл взгляд на Лену и добавил спокойно: — Здравствуйте. Прошу прощения, что вломился без представления.

Лена подняла бровь и смерила его оценивающим взглядом — таким, от которого многие парни невольно выпрямляли спину. Илья этот взгляд выдержал и даже не моргнул.

— Лена, — протянула подруга, манерно помахав рукой с маникюром винного цвета.

— Илья, очень приятно, — он лучезарно улыбнулся и так убедительно делал вид, будто меня тут нет, что я почти обиделась. — И кстати, можно на «ты»?

Лена утвердительно кивнула.

— Хорошо, — заключил Илья. — А я о тебе уже слышал. Ты ведь лучшая подруга Кати, да? Та, что учится на юрфаке? — он улыбался, глядя на Лену.

Лена усмехнулась:

— Да, это обо мне, — подруга многозначительно перевела на меня взгляд, словно говоря мне: «Ну, Катька, всем обо мне трещишь». Потом она повернулась к Илье: — У тебя ведь перерыв?

— Пятнадцать минут, — Илья наконец уселся на свободный стул с видом человека, который только что выиграл тендер. — Хотя после твоего взгляда готов продлить до двадцати.

Эти пятнадцать минут и правда растянулись почти на полчаса. Он рассказывал истории с журфака. Как на практике в газете у него в заголовке вместо «повесил» вышло «повесился», и весь курс две недели звал его «мастер заголовка». Илья шутил легко, смеялся заразительно, чуть наклонялся к Лене, когда рассказывал. И Лена — о чудо — смеялась.

Когда Илья наконец поднялся (администратор уже метала в него строгие взгляды через стойку), он кивнул мне:

— Ну всё, побегу. Катя, рад был видеть. Лена, — он сделал паузу и улыбнулся, — надеюсь, до встречи.

— Ну-ну, давай. Пока, — Лена скрестила руки на груди.

Я не ответила ничего, только молча наблюдала за этими «голубками», пребывая в полнейшем шоке.

Подруга повернулась ко мне не сразу.

— Симпатичный. И весёлый.

— Да, Илья хороший парень, — кивнула я.

— И как давно вы знакомы?

— С прошлого года. На конкурсе в универе познакомились.

— И вы просто друзья? — прищурилась Лена.

— Лена! — закатила глаза я. — Я только по морякам сохну, забыла?

— А, точно, — она усмехнулась. — Ты у нас по тем, кто далеко и красиво молчит…

Я запустила в неё салфеткой. Она увернулась, хохоча.

***

По дороге домой я невольно думала об Илье. Странно — учимся в одном университете, а пересекаемся так редко.

Мы с ним познакомились ещё в октябре прошлого года, когда я была первокурсницей. Общеуниверситетский конкурс гуманитарных наук назывался «Осенний марафон». Участво-

вали все: филологи, журналисты, историки, культурологи. Актовый зал был забит до дверей, команды держали самодельные плакаты — у нас, филологов, был свиток с пером, нарисованный кем-то в три часа ночи. Меня туда запихнула наша лекторша по русской литературе, решив, что из всей группы я самая ответственная.

Илья выступал за команду журфака. Он был второкурсником, и, казалось, весь универ его знал. Высокий, с тёмными волосами, которые он часто откидывал со лба, когда волновался. И с такой улыбкой, что даже строгие преподаватели невольно смягчались в ответ.

Я запомнила его с первой минуты. Ведущий задал каверзный вопрос про теорию коммуникации, и зал притих, а Илья ответил с примером: «Коммуникация — это когда я говорю в зал, что микрофон включён, и вы слышите это из колонок». Жюри поставило максимум. А когда он закончил, то поймал мой взгляд в толпе (да, я пялилась, и что?) и подмигнул. Просто так, без причины. Я отвернулась первой и до конца тура злилась на себя за то, что щёки горели.

А потом было посвящение в студенты. Старшекурсники превратили спортзал в настоящий город студента. Станции с квестами тянулись от стены до стены, поперёк потолка висели гирлянды, и каждая группа первого курса к финалу вечера готовила презентацию — трёхминутную сценку-представление своей команды.

В нашей сценке была королева, а у королевы — корона «Королевы наук».

В день посвящения корона пропала за десять минут до нашего выхода. Наша группа тут же загалдела в несколько голосов: кто взял, куда бежать, что делать. На шум подошёл Илья. Он был одним из организаторов праздника и с утра носился между станциями с планшетом и маркером за ухом.

— Так, тишина, — он поднял ладони. — У кого из вас она была в руках последней?

Вдруг одногруппники разом повернулись в мою сторону. Да, я была последней, кто держал корону в руках. Её передала наша староста, попросив спрятать в надёжное место до выступления.

— Катя, куда корону дела? — спросила она.

И только тогда я наконец вспомнила, куда её запихнула.

— В реквизиторную, — сказала я. — Совсем про неё забыла… Дайте ключи, — я робко обратилась к Илье.

— Ключи у меня, значит, пойду с тобой, — сказал Илья.

Корона лежала на подоконнике, заваленном мишурой и старыми плакатами. Я вытащила её и первая начала смеяться. Илья посмотрел на меня, на корону, на моё лицо — и засмеялся следом. Просто было смешно.

Он вручил мне корону со словами: «Королева наук, не кусайтесь». А я в ответ водрузила её ему на голову: «Журналистика — тоже наука». Он поклонился так серьёзно, что я едва не покраснела.

К концу вечера мы уже смеялись над одними и теми же шутками и обменялись номерами «на случай форс-мажора». Кажется, мы даже флиртовали друг с другом… Было ли так на самом деле, я не помню наверняка — в тот день многие, и я в том числе, были слегка «под шафе». Студенты пронесли с собой алкоголь в бутылках из-под газировки и щедро угощали остальных. Поэтому некоторые моменты того вечера остались туманными — то ли он заправил мне прядь за ухо, то ли я это придумала. То ли мы правда пять минут смеялись над одной шуткой, то ли это было настроение.

С тех пор мы иногда здоровались в коридорах университета. Иногда переписывались, если нужно было найти того или иного преподавателя или уточнить расписание. Порой просто болтали ни о чём, и Илья в такие дни всегда писал первым. Он был лёгким, весёлым, с ним было просто. Душа компании, как говорили о нём преподаватели. И да, в тот период я часто задумывалась о нём как о потенциальном возлюбленном. Смущалась при виде его, много фантазировала о нас. Но на самом деле никаких «нас» никогда не было. Он, кажется, никогда

не был в серьёзных отношениях, но флиртовал почти с каждой девушкой. Да и вообще, Илья очень харизматичный парень, потому многие девушки «липли» к нему. И я рада, что поняла это так быстро. Отныне он остался лишь хорошим другом с журфака — из тех, кого всегда рад встретить в коридоре.

***

Домой мы вернулись под вечер. Подъезд пах запеченной курицей, а квартира — борщом. Мама колдовала у плиты, и кухонное окно уже запотело.

— Ну как, купили что-то? — спросила она, помешивая в кастрюле.

— Ленку заставила купить тёплую толстовку, — доложила я, снимая пальто.

— Темно-серого цвета! — похвасталась Лена, выныривая из прихожей с пакетом. — Тёть Наташ, это же почти чёрный. Почти!

— Молодец, — рассмеялась мама. — Надо тепло одеваться, погода обманчива — то тепло, то холодно.

— Я закалённая, — заверила Лена, но в этот момент заглянула в кастрюлю и забыла о достоинстве. — Ой, борщ… Тёть Наташ, вы волшебница. Люблю борщ. Особенно со сметанкой…

— Ну лиса! — рассмеялась мама. — Садитесь, накормлю вас.

Лена довольно побежала мыть руки, по пути завязывая волосы в низкий хвост. Молли ходила за мамой по пятам, надеясь, что хоть капля борща случайно заблудится по дороге к столу. А я ещё минуту постояла в дверях кухни, слушая, как мама с подругой суетятся и спорят, кому достанется краюшек хлеба, и подумала: как же хорошо, что в моей жизни столько людей. Мама. Лена. Даже Ромка со своим «Административным кодексом».

За ужином Лена съела две тарелки и, отодвинув стул, торжественно объявила, что моет посуду «в качестве оплаты». Мама пыталась спорить, но недолго.

***

Вечером, когда Лена ушла, я вышла гулять с Молли. Двор уже стемнел; фонари отражались в лужах оранжевыми пятнами, воздух пах мокрыми листьями. Молли гонялась за огненным кленовым листом, чихнула на него и обиженно сделала вид, что это он виноват. На скамейке под фонарём умывался соседский кот; они с Молли обменялись долгими уважительными взглядами и решили не обострять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.